

Е. А. ФЕЛЬДМАН¹

ПЕРСОНАЖИ УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА В ТВОРЧЕСТВЕ СЕСИЛЬ МЭРИ БАРКЕР

Статья посвящена мифологической образности в творчестве Уильяма Шекспира и отчасти преемственной по отношению к нему детской поэзии Сесиль Мэри Баркер. Центральное внимание уделено экскурсу в историю трактовки фантастических существ в английской литературе, начиная с сочинений авторов конца XII в. Также делается ряд выводов о закономерностях, по которым шла эволюция представлений о феях и эльфах в европейской культуре, и проводится анализ их образа в цикле С. М. Баркер «Цветочные феи».

Ключевые слова: английская литература, литература для детей, поэзия, мифология, Уильям Шекспир, Сесиль Мэри Баркер.

Мифологическая образность обильно встречается в литературе и искусстве всех эпох [Никола, 2011, с. 20], однако для английской культуры она является одним из важнейших источников. Британская литература, чьи истоки кроются в устных легендах и преданиях, с благодарностью позаимствовала у фольклора не только многие сюжеты, но и фантастических персонажей, созданных народным воображением. Как отмечает Е. Н. Черноземова, они являются неотъемлемой частью поэтики пьес Уильяма Шекспира — достаточно вспомнить призрака отца Гамлета, трех ведьм, словами которых открывается «Макбет», или воздушного духа Ариэля из «Бури» [Черноземова, 2000, с. 86]. Нередко встречаются в творчестве Шекспира и феи, которых жители Британских островов эвфемистично называли «Добрым народцем». В «Ромео и Джульетте» (*Romeo and Juliet*) эпизодически появляется королева фей Маб, популярный персонаж многих народных преданий, а в пьесе «Сон в летнюю ночь» (*A Midsummer Night's Dream*) представители народа «фэйри» даже становятся главными действующими лицами.

Воссоздавая в своих произведениях их образы, Шекспир опирался на многовековую традицию. Первые записи саг, в которых фигурировали феи, были сделаны ирландскими монахами в VII–VIII вв. Как замечает В. М. Жирмунский, «иногда особенно яркие черты языческого культа опускались или даже присочинялись в христианском духе новый конец саги; однако обычно монахи-переписчики сохраняли все упоминания о колдовстве, заклятиях,

¹ Фельдман Елена Александровна, аспирант кафедры зарубежной литературы Литературного института им. А. М. Горького. E-mail: nicnort@gmail.com

столкновениях или любовном общении людей с *сидами* (духи вроде эльфов и фей) и т. д. Благодаря этому ирландский эпос богаче эпоса всех остальных западноевропейских народов пережитками верований и представлений эпохи родового строя» [Жирмунский, 1987, с. 18].

Первыми *литературными обработками* преданий об эльфах, которые дошли до наших дней, являются сочинения авторов конца XII — начала XIII в., современников короля Генриха II (1154–1189). Это Гиральд Уэльский, Гервазий Тильсберийский, Цезарий Гейстербахский, Уолтер Мап и Гийом Овернский. Последние три автора упоминали в своих сочинениях существ, которых в современной классификации можно скорее отнести к полтергейстам. Гиральд Уэльский писал о «призрачной богине Моргане», которая перенесла тело погибшего короля Артура на остров Авалон. В позднейших интерпретациях богиня Моргана превратилась в фею.

Наибольший интерес представляют труды Гервазия Тильсберийского (Gervasius Tilburiensis, ок. 1150–1228) — собирателя валлийского и ирландского фольклора. В 1210–1214 гг. он написал для императора Оттона IV, при дворе которого служил, книгу «Императорские досуги» — сборник занимательных историй о дельфинах, сиренах, морском человеке и короле Артуре. В одной из историй упоминались «феи» — злые духи, связь с которыми может закончиться для людей самым плачевным образом.

На протяжении последующих веков в Англии было создано множество легенд и баллад, посвященных эльфам. Их слушатели не сомневались в реальности фей, связывая с их проделками плохой или, напротив, необычно богатый урожай, внезапно разыгравшуюся бурю и даже необъяснимую удачу, которая сопутствовала соседу. Сюжеты многих английских сказок посвящены контакту людей с потусторонним миром. Попав в волшебные холмы и проплясав до рассвета на балу фей, человек мог вернуться в родную деревню спустя несколько десятилетий. При этом эльфы нередко брали в жены смертных девушек, а аристократы из рода фэйри приглашали к своему двору самых талантливых представителей человеческого рода (последний сюжет лег в основу знаменитой баллады о Томасе-рифмаче, которые провел семь лет в услужении у Королевы фей и был за это награжден пророческим даром).

Одно из первых упоминаний эльфов в *авторской* литературе принадлежит Джеффри Чосеру (Geoffrey Chaucer, 1340–1400). В сборнике стихотворных новелл «Кентерберийские рассказы» (*The Canterbury Tales*), над которым поэт работал всю жизнь, но так и не завершил, Батская ткачиха произносит следующий монолог:

Когда-то, много лет тому назад,
В дни короля Артура (говорят
О нем и ныне бритты с уважением),
По всей стране звучало эльфов пенье;
Фей королева со своею свитой,
Венками и гирляндами увитой,
В лесах водила эльфов хоровод
(По крайней мере, верил так народ).
Чрез сотни лет теперь совсем не то,
И эльфов не увидит уж никто.
(*Пер. И. А. Кашкина* [Чосер, 1973, с. 128])

По всей видимости, подобная ностальгия по временам, когда волшебство являлось неотъемлемой частью человеческой жизни, была характерна и для Уильяма Шекспира. Одна из сюжетных линий «Сна в летнюю ночь» связана с конфликтом короля эльфов Оберона и королевы фей Титании, которые соперничают из-за пажа — прелестного мальчика, сына индийского царя. Оберону и Титании прислуживают самые разнообразные персонажи британского фольклора — в частности, феи, трудолюбивые хранительницы цветов, и эльф Пак, известный своими не всегда безобидными проделками.

По мнению В. М. Жирмунского, в выборе персонажей для этой пьесы проявилось драматургическое новаторство Шекспира: разрабатывая жанр «масок» (пьес декоративно-фантастического характера), автор вместе с тем реформирует его, заменяя типичные для европейского театра условные фигуры античных божеств образами народных английских поверий [Жирмунский, 1987, с. 368]. Например, так Шекспир описывает встречу Феи и Пака:

П а к

А, фея! Здравствуй! А куда твой путь?

Ф е я

<...> Я служу царице фей,

Круг в траве кроплю росой.

Буквицы — ее конвой.

Видишь золотой наряд?

Пятнышки на нем горят:

То рубины, цвет царицы, —

В них весь аромат таится.

Для буквиц мне запас росинок нужен —

Вдеть каждой в ушки серьги из жемчужин.

Прощай, дух-увалень! Лечу вперед.

Сюда ж царица с эльфами придет.

П а к

Мой царь здесь ночью будет веселиться, —

Смотри, чтоб с ним не встретила царица!

<...>

На озаренной светом звезд полянке

Они сойдутся — вмиг за перебранки,

Да так, что эльфы все со страху — прочь,

Залезут в желудь и дрожат всю ночь!

(Пер. Т. Щепкиной-Куперник [Шекспир, 1958, с. 171])

Шекспир не просто изобразил эльфов реальными существами, которым не чужды человеческие эмоции вроде любви, страха и ревности. Благодаря этому произведению драматург во многом определил манеру их изображения последующими авторами. Если до «Сна в летнюю ночь» эльфы в английской литературе ассоциировались преимущественно с высокими и величественными «сидами», то в этой пьесе Шекспир воплотил сразу три различных представления о «добром народце». Так, в одном произведении читатель встречает:

1) *мифологических эльфов*, которые отличаются от людей только красотой и сверхъестественными способностями. Внешне они подобны смертным и не имеют крыльев. Шекспировские Оберон и Титания явно относятся к «человекоподобным» существам, поскольку упрекают друг друга в изменах с людьми:

Стыдись, стыдись, Титания! Тебе ли
Меня за Ипполиту упрекать?
Я знаю ведь твою любовь к Тезею!
Не ты ль его в мерцанье звездной ночи
От бедной Перигены увела? [Шекспир, 1958, с. 146];

2) *эльфа Пака*, который, хотя и обладает небольшим ростом, изображается отнюдь не крохотным существом, способным уместиться на лепестке цветка. Согласно британским народным сказкам, он завлекал путешественников в болота, щипал ленивых домохозяек и выдергивал табуретки из-под закоренелых сплетников. Под звуки его свирели люди танцевали, словно дрессированные медведи, а вносить сумятицу и путаницу среди смертных было его любимым занятием;

3) *миниатюрных и пугливых «фей-стрекоз»*, которые настолько малы, что могут спрятаться в желудь или украсить цветы каплями росы. По всей видимости, подобные персонажи обязаны своим появлением именно Шекспиру.

С легкой руки драматурга образ крохотных «цветочных» эльфов не только распространился в Западной Европе, но и во многом обусловил сюжеты детской литературы. В сказке 1835 г. «Дюймовочка» (*Tommelise*) Ханс Кристиан Андерсен изображает девочку, которая занимает промежуточное положение между людьми и эльфами: «Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха была ее колыбелькой, голубые фиалки матрацем, а лепесток розы одеяльцем; в эту колыбельку ее укладывали на ночь, а днем она играла на столе...» [Андерсен, 1983, с. 29]. Эта сказка окончательно утвердила канонический образ фей, который берет начало в пьесах Шекспира. Вплоть до настоящего времени они переходят из одного детского произведения в другое, практически не изменяясь ни по внешнему облику, ни по функционалу.

Однако подобная метаморфоза мифологических эльфов вызвала у некоторых авторов не просто неприязнь, но возмущение. Например, Дж. Р. Р. Толкин, отстаивавший канонический образ эльфов в литературе, писал в лекции «О волшебных сказках»:

Из коренных обитателей Фэйри некоторые действительно маленького роста (хотя их едва ли можно назвать крошечными), но в целом низкорослость не является характерной чертой этого народа. Крошечные существа, эльф или фэйри — в Англии, как я думаю, по большей части утонченный продукт литературной фантазии. <...> Я подозреваю, что вся эта цветочно-мотыльковая утонченность также была продуктом «рационализации», превратившей обаяние Эльфландии в банальную миниатюрность, а невидимость — в хрупкость, дающую возможность спрятаться в бутоне цветка или укрыться за травинкой [Толкин, 2008, с. 170].

Эта идея получила яркое художественное воплощение в романе Дж. Р. Киплинга (Joseph Rudyard Kipling, 1865–1936) «Пак с волшебных холмов» (*Puck of Pook's Hill*, 1906). После долгих лет забвения эльф Пак пробуждается к

жизни благодаря двум детям, которые в шутку поставили на лугу отрывки из «Сна в летнюю ночь» Шекспира. Пожалуй, Киплинг — один из немногих авторов XX в., которые пытались сопротивляться засилью «фей-бабочек» в литературе. Его Пак с недовольством говорит детям, которые удивлены его «неканонической» внешностью:

Те, о которых вы толкуете, — придуманные существа, о которых Народ с Холмов и слыхом ни слыхивал, — все эти жужелицы со стрекозиными крыльшками, в прозрачных юбочках, с их сияющими звездочками в волосах и волшебным жезлом, похожим на указку, которым они наказывают гадких мальчиков и награждают хороших. Знаю, знаю...

И далее:

Неужели вы думаете, Народу С Холмов не обидно, когда его смешивают с этим размалеванным, робким и жеманным племенем самозванцев? Стрекозиные крыльшки? Ха-ха! Видел я, как Сэр Хьюэн выехал из замка Тинтаджел, отправляясь в Гибразильский поход. Ураган с юго-запада хлестал брызгами в лошадиные морды, и волшебные Кони С Холмов хрипели, вставая на дыбы. <...> Стрекозиные крыльшки? Как бы не так! Это было Колдовство — самое черное Колдовство, какое только мог измыслить Мерлин [Киплинг, 1996, с. 32].

Сам Пак Киплинга напоминает древнегреческого сатира — смуглый, коренастый, с острыми ушами и косящими глазами. Впрочем, этот персонаж скорее исключение из правила. Несмотря на огромный успех «Пака с Волшебных холмов» и его продолжения «Подарки феи» (*Rewards and Fairies*, 1910), в английской детской литературе закрепился образ волшебного народца, берущий начало в пьесах Шекспира и сказках Андерсена. Похожие феи изображены и в восьми поэтических сборниках Сесиль Мэри Баркер о цветочных феях.

Собранные под одной обложкой, они представляют собой масштабную энциклопедию по ботанике, где в игровой форме сообщаются полезные сведения о различных видах растений: садовых и придорожных цветах, кустарниках и деревьях. Феи Баркер — это хранительницы и покровительницы растений. Как и у шекспировских фей, их одежда сшита из цветочных лепестков, а перемещаются они при помощи крыльев или верхом на улитках. Также автор нередко изображает их сидящими на листьях или в бутонах. Если феи Шекспира «залезают в желудь и дрожат всю ночь», то в одном из стихотворений Баркер эльфы спят в цветах снежного дерева (клематиса), чьи шелковистые пушистые шарики, служащие для лучшей защиты семян, действительно напоминают подушки:

— Куда бежишь ты без оглядки?

— Мы с эльфами играем в прятки.

Скорей в пуховую кровать!

Пока найдут, смогу поспать¹ [Barker, 2002, p. 15].

Известно, что в древнейших преданиях феи и эльфы имели своеобразную иерархию. Аристократия фэйри была подобна человеческим королям, их образы в легендах связывались с прекрасными замками, роскошью, пыш-

¹ Здесь и далее стихотворения С. М. Баркер даются в переводе автора статьи.

ными балами и охотами. Другие фэйри не гнушались обществом смертных и иногда даже поселялись в человеческих домах, за символическую плату (монета или миска с молоком) помогая по хозяйству. Примечательно, что в своем творчестве Сесиль Мэри Баркер совмещает обе концепции. Например, излюбленным развлечением ее фей служат «пиры и балы» (*fairy feasts and fairy balls*). Из «Песни эльфа наперстянки» (*The Song of the Foxglove Fairy*) читатель узнает, что танцы начинаются с заходом солнца, при «мягком свете летней луны»:

— Маленький эльф,
Что ты видишь сейчас?
— Лужайку с цветами
И желтый атлас
На платье мисс Пчелки.
Я мед ей припас!

— Маленький эльф,
А теперь как дела?
— На лунной дорожке
Уснула Пчела,
И дюжина фей
Хоровод завела! [Barker, 2002, p. 14]

Как следует из «Песни феи крупнолистного колокольчика» (*The Song of the Harebell Fairy*), ее бутоны издают мелодичный звон, неразличимый для человеческого слуха. Именно этот перезвон служит аккомпанементом на балах фей, которые длятся всю ночь, до самого «холодного и серого рассвета»:

Прекрасна музыка моя,
Но грубый человек
Не сможет различить вовек,
Как я пою, звеня!

Лес превратился в лунный зал,
И сто цветочных фей
На птицах вместо лошадей
Съезжаются на бал.

Танцуй в потоках серебра!
Как ловкий дирижер,
Я направляю звонкий хор,
Но лишь придет пора —
И нас умчат во весь опор
Рассветные ветра. [Barker, 2002, p. 26]

При этом феи Баркер всегда готовы помочь людям, хотя, в отличие от мифологических эльфов, не селятся в домах и обычно не требуют благодарности за свои услуги. Например, единственное, что просит фея фундука за свои подарки, — не жадничать и оставить ей немного орехов «про запас» (*to spare*):

Под моим присмотром
 В летние недели
 Фундуки лесные
 Медленно созрели.
 Дорогая Белка!
 Не хочю быть строгой,
 Но оставьте Птице
 На обед немного!

Дорогая Птица!
 Ключите ветку рядом.
 Золотых орехов
 Хватит и ребятам.
 Дорогие дети!
 Вот фундук для вас.
 Но чуть-чуть оставьте
 Фею про запас! [Barker, 2002, p. 17]

Обычно феи Баркер прячутся за стеблем своего цветка или качаются на ветках деревьев. Судя по рисункам, их рост никогда не превышает размеров растения, которому они покровительствуют. Так, героиня «Песни феи кислицы» поет, что стебли папоротника виднеются далеко вверху над ней и ее «крохотным» (*very small*) цветком:

Ах, какое все большое!
 До чего же лес высок!
 Меньше пальца мы с тобою —
 Фея и ее цветок.

Сколько красоты на свете!
 Даже не хватает глаз.
 Мы с тобою только дети,
 Но все феи любят нас. [Barker, 2002, p. 22]

Как мы увидели, на протяжении столетий образ фей претерпел значительные изменения в английской культуре: величественные человекоподобные эльфы превратились в крохотных существ с крыльями бабочек. Эта трансформация осуществилась около XVI в. посредством влияния авторских произведений и в немалой степени является заслугой Уильяма Шекспира. Однако «мифологические» эльфы не исчезли из литературы совсем, а продолжили фигурировать в сочинениях Р. Киплинга и У. Блейка. Что же касается традиции изображения крохотных «цветочных фей», она получила развитие в произведениях Х. К. Андерсена, Дж. Барри и С. М. Баркер. К XX в. произошло окончательное разделение: маленькие феи стали популярным элементом произведений для детей, а классические эльфы были возвращены мировой литературе при помощи «взрослого» жанра фэнтези, из которого можно особенно выделить трилогию «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина и роман «Томас-рифмач» Э. Кашнер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Barker C. M. Flower Fairies of the Autumn.* — L. : Frederick Warne, 2002.
2. *Barker C. M. Flower Fairies of the Spring.* — L. : Frederick Warne, 2002.
3. *Barker C. M. Flower Fairies of the Summer.* — L. : Frederick Warne, 2002.
4. *Barker C. M. Flower Fairies of the Winter.* — L. : Frederick Warne, 2002.
5. *Андерсен Х. К. Сказки, рассказанные детям. Новые сказки.* — М. : Наука, 1983. — (Серия «Литературные памятники»).
6. *Жирмунский В. М. История зарубежной литературы: Средние века и Возрождение.* — М. : Высшая школа, 1987.
7. *Киплинг Р. Пак с Волшебных холмов.* — М. : Терра, 1996.
8. *Никола М. И. Античная литература: Учебное пособие.* — М. : МПГУ, 2011.
9. *Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики.* — М. : АСТ, 2008.
10. *Черноземова Е. Н. История английской литературы: Планы. Разработки. Материалы. Задания.* — М. : Флинта ; Наука, 2000.
11. *Чосер Дж. Кентерберийские рассказы.* — М. : Художественная литература, 1973.
12. *Шекспир У. Сон в летнюю ночь // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах.* — Т. 3. — М. : Искусство, 1958.

Поступила в редакцию 25.02.2015